

УДК 821.111.09
ББК 83.3(4Вел)
Р 90

Рутиэн, Альвдис Н.

Р 90 Все тайны мира Дж. Р. Р. Толкина. Симфония Илуватара / Альвдис Н. Рутиэн. – Москва : Алгоритм, 2014. — 224 с. — (Анатомия мифа).

ISBN 978-5-4438-0950-2

Впервые в России: ответы на все загадки творчества Толкина!

Книги Дж. Р. Р. Толкина стали настоящим феноменом XX и XXI веков. Экранизации его произведений, так мастерски выполненные Питером Джексоном, сделали писателя культовой фигурой современности. Трилогия «Властелин колец», повесть «Хоббит, или Туда и обратно», знаменитый «Сильмарилион» — все это целый мир, созданный гениальным писателем.

Вселенная Толкина оказалась настолько яркой, что поклонники его творчества просто не пожелали из нее возвращаться. Появилась целая субкультура толкинистов.

Автор книги — знаменитый исследователь творчества Толкина Альвдис Н. Рутиэн (псевдоним писательницы, профессора Института истории культуры Александры Барковой) — предлагает читателям досконально изучить вселенную Толкина. Почему творчество этого писателя покорило миллионы читателей по всему миру? На каких мифах основывался создатель мира Средиземья? Как толкинистика стала любым увлечением миллионов людей по всему миру, в том числе и в России? Ответы на все эти вопросы вы найдете в новой книге Альвдис Н. Рутиэн.

УДК 821.111.09
ББК 83.3(4Вел)

ISBN 978-5-4438-0950-2

© Альвдис Н. Рутиэн (Александра Баркова), 2014
© ООО «Издательство «Алгоритм», 2014

Литературно-художественное издание

АНАТОМИЯ МИФА

Альвдис Н. Рутиэн
(Александра Баркова)

ВСЕ ТАЙНЫ МИРА ДЖ. Р. Р. ТОЛКИНА
СИМФОНИЯ ИЛУВАТАРА

Редактор Е.О. Мигунова
Художник Б.Б. Протопопов

ООО «Алгоритм»
Оптовая торговля:
ТД «Алгоритм» 617-0825, 617-0952
Сайт: <http://www.algoritm-izdat.ru>
Электронная почта: algoritm-izdat@mail.ru
Интернет-магазин: <http://www.politkniga.ru>

Өндірген мемлекет: Ресей
Сертификация қарастырылмаған

Подписано в печать 20.10.2014.
Формат 84x108¹/32. Печать офсетная. Усл. печ. л. 11,76.
Тираж экз. Заказ

ISBN 978-5-4438-0950-2

9 785443 809502>

ВВЕДЕНИЕ

Английского писателя Дж. Р.Р. Толкина можно по праву назвать «властителем дум целого поколения». И даже не одного — популярность его книг, породивших целую субкультуру, растет с каждым десятилетием. Трилогия «Властелин Колец» — наиболее известное из литературных произведений Дж. Р.Р. Толкина. Она по праву считается одной из самых читаемых книг в истории мировой литературы. Будучи впервые опубликованным в 1954—1955 годах, роман до сих пор вызывает неизменный интерес у все новых и новых поколений читателей. В наступившем веке «Властелин Колец» переживает очередной, весьма бурный период повышенного к себе внимания. Принадлежность «Властелина Колец» к мировой литературе (в самом глобальном смысле: как во временном, так и в пространственном аспекте) оказывается гораздо важнее, нежели принадлежность его конкретно к литературе двадцатого века.

Еще одна причина, не позволяющая говорить о «Властелине Колец» только лишь как о памятнике литературы ушедшего века, — это существование субкультуры, в зарождении которой роман сыграл решающую роль. Истории этой субкультуры следует искать в «Толкиновских обществах», образованных в середине шестидесятых годов

(сразу после издания трилогии в Америке) американскими студентами, для которых книга стала поистине культовой. Затем толкинистское движение распространилось также по Европе. Путь книги в Россию был гораздо медленнее: с начала 1960-х годов существовали самиздатовские переводы, известные лишь единицам, первая часть трилогии была опубликована в 1982 году (и некоторые школьники, которым посчастливилось ее прочесть, целых восемь лет оплакивали Гэндалльфа — до выхода второго тома). Только в начале 90-х вышел первый полный перевод трилогии, а чуть позже — и «Сильмарилиона». С конца 80-х годов развивается русское движение толкинистов, то более заметное среди молодежных сообществ, то уходящее вглубь.

В рамках субкультуры «Властелин Колец» перестает быть исключительно художественным текстом; он становится неким своеобразным первоэлементом творения особого мира и одновременно свидетельством существования этого мира — Словом, созидающим Материю, инструментом Демиурга, строящего свой универсум, отличный от физической реальности. И хотя для субкультуры несомненную ценность представляют и другие произведения, вышедшие из-под пера Толкина (в частности, «Сильмарилион»), именно «Властелин Колец» представляется тем краеугольным камнем, на котором держится мироздание в понимании культуры толкинистов.

Так в чем же загадка мира Толкина? Чем отличается «Властелин Колец» от других романов фэнтези? Почему именно эта книга породила целую субкультуру, активно существующую в нашей стране уже третье десятилетие (в то время как другие литературные субкультуры никогда не были так заметны и не перешагнули рубеж 2000-го года)? Что именно находили и продолжают находить

во «Властелине Колец» его читатели, почему оказывается возможным осуществление желания автора трилогии, однажды сказавшего: «Мне хотелось, чтобы люди просто оказались внутри книги и воспринимали ее, в каком-то смысле, как реальную историю»¹. Где нужно искать момент, в который зарождается абсолютное доверие к тому, о чем читаешь на страницах романа, заведомо являющегося художественным вымыслом?

Ответ на этот вопрос следует искать в глубочайшей эрудиции Толкина. Недаром в субкультуре его зовут просто «Профессор» — не потому только, что он долгие годы был профессором Оксфорда, нет: независимо от глубины собственных познаний в лингвистике, астрономии, ботанике, мифологии, литературе и других науках, толкинисты ощущают, какой огромный багаж знаний стоит за текстом «Властелина Колец».

Чтобы хотя бы отчасти приблизиться к пониманию мира Толкина, мы попытаемся проанализировать его в трех аспектах. Во-первых, как отражение системы знаний, почерпнутых из естественных и точных наук (что создает исключительно достоверную материальную основу мира). Во-вторых, мы рассмотрим мир Средиземья в проекции трех культур, которыми вдохновлялся Толкин: кельтской, скандинавской и финской. И в-третьих, мы дадим обрис образов и сюжетов Толкина с точки зрения типологии, то есть преломления в тексте универсальных мифологических категорий, сохраняющихся на глубинном уровне в мышлении человечества с древнейших времен до наших дней.

Подчеркнем, что если естественнонаучный поход к создаваемому миру был результатом сознательной, целенаправленной работы Толкина, то два других находились скорее в сфере художественного переживания, чем отрефлексированной аранжировки тех или иных моти-

вов. В этом и заключается уникальность Толкина: ученый в нем верно служит художнику. Именно синтез обеих составляющих — научно выверенной фактографии и полета творческой фантазии — дает в результате уникальный культурный феномен современности: литературное произведение, вышедшее за пределы самой литературы на качественно иной уровень — уровень формирования нового культурного пласта.

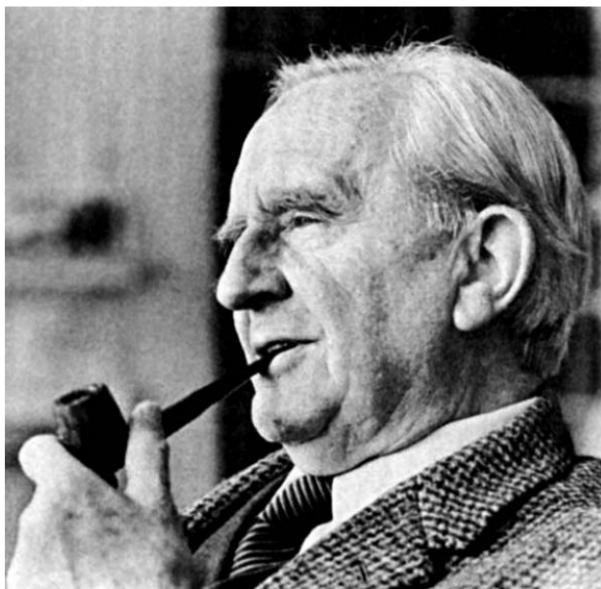
Ранее мы уже предпринимали подобную попытку². Настоящая книга отличается от нашей предыдущей работы, во-первых, главой о кельтских, скандинавских и финских заимствованиях, во-вторых, главой о субкультуре толкинистов; кроме того, основной текст значительно расширен и переработан.

Поскольку автор данной книги принадлежит к субкультуре более двадцати лет, это дает возможность взглянуть на мир Толкина как снаружи, глазами ученого, так и изнутри — глазами того, кто воспринимает Средиземье как пусть нематериальную, но реальность.

ТВОРЕЦ МИФА – УЧЕНЫЙ

Глава 1

ЛЮБОВЬ К СЛОВУ

Рассмотрим вначале личность Толкина-писателя по отношению к созданной им мифологической системе в ключе научных изысканий автора в области языкоznания, то есть обратимся к логическому подходу ученого-филолога к освоению мифологии.

Корни мифологии Толкина лежат в том глубоком и искреннем интересе к слову, который проявился у будущего писателя еще в раннем детстве. Его интересовало не только значение слов, но и само их звучание и облик. «Лингвистические структуры всегда действовали на меня, как музыка или цвет»³. В четырехлетнем возрасте Толкин

познакомился с начатками латыни и французского, этим языкам его обучала мать. Она обнаружила, что сын получает удовольствие, слушая слова, читая их и повторяя их вслух, почти не обращая внимания на смысла.

В возрасте семи лет Толкин написал свое первое произведение — это была сказка о драконе. Драконы сильно занимали воображение впечатлительного мальчика, прочитавшего однажды в книге сказок историю о Сигурде, убившем змея Фафнира. Свой ранний опус Толкин (по его собственному признанию) «начисто забыл, кроме одной филологической подробности. Моя мать насчет дракона ничего не сказала, но заметила, что нельзя говорить «зеленый большой дракон», надо говорить «большой зеленый дракон». Я тогда не понял, почему и до сих пор не понимаю. То, что я запомнил именно это, возможно, важно: после этого я в течение многих лет не пытался писать сказок, зато был всецело поглощен языком» (сообщает Х. Карпентер в биографии писателя).

Поступив в школу короля Эдуарда, юный Толкин получил возможность совершенствовать те знания языков, которыми он уже обладал (благодаря урокам матери), и, кроме того, приступить к изучению новых языков, притягательно непонятных до поры. По воспоминаниям самого Толкина, приведенным Х. Карпентером, большую часть времени в школе он тратил на изучение латыни и греческого: «Греческий очаровал меня своей текучестью, подчеркиваемой твердостью и своим внешним блеском. Но немалую часть обаяния составляли его древность и чуждость (для меня). Он не казался родным».

Вслед за классическими языками, предлагавшимися школьной программой, Толкин в старших классах начал серьезно заниматься тем, чего в расписании не было: он стал «докапываться до костей, элементов, общих для

всех языков; фактически, он начал изучать филологию как таковую, науку о словах», пишет его биограф. В своих изысканиях Толкин познакомился с англосаксонским языком (называемым также древнеанглийским), прочел в оригинале древнеанглийскую поэму «Беовульф» и, испытав настоящий восторг, пришел к выводу, что это одна из удивительнейших поэм всех времен и народов. «Кентерберийские рассказы» Чосера открыли для него среднеанглийский, на котором были написаны восхитившие будущего писателя поэмы «Сэр Гавейн и Зеленый Рыцарь» и «Перл» (аллегорическое произведение об умершей девочке, которое приписывают автору «Сэра Гавейна»). Кроме того, Толкин обнаружил, что среднеанглийский диалект близок к тому, на котором говорили жители Западного Мидленда, предки его матери. Следующим шагом было обращение к древнеисландскому и прочтение — теперь уже в оригинале, строка за строкой, — той самой истории о Сигурде и драконе Фафнире, которая так завораживала его в детстве. Был еще случайно попавший в руки ученик готского языка (исчезнувшего с лица земли вместе с народом, который на нем говорил, — сохранилось лишь несколько письменных фрагментов); были книги на испанском в доме дяди, наполовину испанца; были и немецкие книги по филологии, где находились ответы на хотя бы некоторые из вопросов, интересовавших начинающего языковеда.

Искренняя любовь к самому виду и звучанию слов (а также, несомненно, ценная помощь филологических трудов на немецком) подвигла юного Толкина к попытке создания собственного языка. Предполагалось, что это будет реконструкция некоего германского языка, от которого якобы не сохранилось письменных источников. Используя свои весьма к тому времени обширные познания в об-

ласти лингвистики, Толкин приступил к построению даже не одного, а нескольких вымышленных диалектов, у которых была особая система грамматики и фонологии. Параллельно он работал и над их алфавитами.

К этому времени Толкин окончил школу — пришла пора поступать в колледж. В стенах Эксетер-колледжа в Оксфорде страсть к языкоznанию у молодого исследователя была подогрета новыми чудесными встречами — встречами с неизученными пока языками. Во-первых, Толкин по-настоящему занялся валлийским, красотой которого был зачарован с детства (хотя впервые познакомился с этим наречием в не особенно романтической обстановке — ребенком он читал названия городков Уэльса на стенках вагонов с углем, стоявших на запасных путях железной дороги, на которую выходили окна дома, где какое-то время жила семья). От валлийского будущий писатель, по собственному признанию, получил «громадное лингвистико-эстетическое удовольствие» — этим воспоминанием он делится в одном из писем с У.Х. Одном. Кроме того, в библиотеке Эксетер-колледжа он однажды нашел грамматику финского языка: «Я ощутил себя человеком, который обнаружил винный погреб, битком набитый бутылками с вином, какое никто и никогда не пробовал. Я бросил попытки изобрести “новый” германский язык, а мой собственный — точнее, их было несколько — приобрел явное сходство с финским в фонетике»⁴.

Значение именно финского для создания собственно мифологии мира Толкина действительно велико: тот самый вымышленный язык, который имел «явное сходство с финским в фонетике» позднее будет фигурировать в произведениях под названием *квэнья*, или «высокое эльфийское наречие». А валлийский, в свою очередь, является образцом для построения фонологии другого эльфийского языка, именуемого *синдарин*.

Получив перевод с классического факультета колледжа на факультет английского языка и литературы, Толкин, среди прочих лингвистических изысканий, начал больше, чем чему бы то ни было иному, уделять внимание среднеанглийскому и англосаксонскому наречиям — эти диалекты были языками предков и представлялись наиболее родными и понятными. Среди древнеанглийских текстов, которые Толкин читал во множестве, ему попалось собрание англосаксонских религиозных стихов — это был «Христос» Кюневульфа. И две строки из поэмы запали в душу особенно:

Eala Earendel engla beorhtast
ofer middangeard monnum sended...

«Привет тебе, Эарендел, светлейший из ангелов, / Над средиземьем людям посланный». В англосаксонском словаре «Earendel» переводится как «сияющий свет, луч», но здесь это слово, очевидно, имеет какое-то особое значение. Сам Толкин интерпретировал его как аллюзию на Иоанна Крестителя, но полагал, что первоначально слово «Эарендел» было названием звезды, предвещающей восход, то есть Венеры. Слово это, обнаруженное у Кюневульфа, взволновало его, непонятно почему. «Я ощутил странный трепет, — писал он много лет спустя, — будто что-то шевельнулось во мне, пробуждаясь от сна. За этими словами стояло нечто далекое, удивительное и прекрасное, и нужно было только уловить это нечто, куда более древнее, чем древние англосаксы»⁵.

Этому «удивительному и прекрасному», пробудившемуся где-то глубоко в душе Толкина под впечатлением от древнеанглийской поэзии, суждено было в дальнейшем проявить себя вовне: развиться, сформироваться, обрести

ти душу и, в конечном итоге, предстать в виде цикла литературных произведений, на страницах которых отражена летопись целого мира, его мифология и его история. Отправной точкой создания всего корпуса текстов стало стихотворение, появившееся в конце лета 1914 года. На написание этого стихотворения Толкина вдохновила его любимая строчка из «Христа» Кюневульфа, где говорилось об Эаренделе; называлось оно «Плавание Эарендела, Вечерней Звезды», и начиналось так:

Эарендель восстал над оправой скал,
Где, как в чаше, бурлит Океан.
Сквозь портал Ночной, точно луч огневой,
Он скользнул в сумеречный туман.
И направил свой бриг, как искристый блик,
От тускневшего злата песков
По дороге огня под дыханием Дня
Прочь от Западных берегов⁶.

В следующих строках описывается путешествие звездного корабля по небесной тверди, продолжающееся до тех пор, пока он не тает в свете восхода.

Образ звезды-морехода, чей корабль восходит на небо, не оставлял воображение Толкина, и сюжет стал развиваться в обширное повествование. При этом Толкин воспринимал себя не как сочинителя истории, а как первооткрывателя древней легенды. Он чувствовал, что существует несомненная связь между историей Морехода Эарендела и «личными языками», плодом лингвистических исследований. В конце концов, Толкин пришел к выводу («выяснил» — по его собственному выражению), что язык, созданный им под влиянием финского и ставший воплощением его языкового вкуса, — это язык, на ко-

тором говорят «фэйри», или «эльфы», которых видел Эрендель во время своего удивительного путешествия. Так в мире Толкина впервые появился Дивный Народ, говорящий на квэнья.

В итоге, когда «Властелин Колец» уже был создан, он стал своеобразным альманахом лингвистических пристрастий Толкина: вестрон, всеобщий язык Средиземья, оказался представленным родным языком писателя, то есть английским (точнее, он был «переведен» на английский); на различных диалектах вестрона говорят люди и хоббиты (язык рохирримов сходен со староанглийским, северные хоббитские говоры содержат трансформированные англосаксонские слова и некоторые кельтские элементы); в именах людей и хоббитов присутствуют франкские и готские формы, в именах гномов — древнеисландские; эльфийские языки, как уже упоминалось, в основе своей имеют черты финского (квэнья — «эльфийская латынь», язык Заокраинного Запада) и валлийского (синдарин — «сумеречное наречие», язык эльфов Средиземья).

В этом ряду особняком стоит мордорский язык — Черная Речь, созданная Сауроном и используемая в заклятии Кольца Всевластия, а также в некоторых именах и названиях. Попытка исследовать этимологию языка Врага дала любопытный результат: «Обнаружилось не только структурное, но и значительное материальное совпадение хурритского языка (на котором говорили в 3—1-м тыс. до н. э. предки современных армян и курдов, сменивших его на индоевропейские) и Черной Речи»⁷. Довольно неожиданно, если учитывать, что интересы Толкина-филолога лежали в основном в области языков, принадлежащих германской, кельтской и романской группам индоевропейской семьи (финский язык, принадлежащий финно-угорской семье — исключение). Однако при этом в